Автор: Жюри
14.07.2016 12:31

Поэт, литературный критик. Живет во Владимирской области (Россия).

Андрей ПЕРМЯКОВ

ИЗ БЕЛОЙ МАРШРУТКИ

С приездом

Из белой маршрутки вышел в четвёртый том
(самая верхняя полка, корешок надорван немного):
«грязная, издрогшая собачонка, с поджатым хвостом,
перебежала ему дорогу».

«Пьяный в шинели... лежал поперек тротуара».
(Без шинели, конечно, и вдоль, но всё равно лежал.)
Решётка дышала ошмётками жёлтого пара,
словно тяжёлой землёю укрыли старинный вокзал.

Берег реки, цветом похожий на сойку,
сделался полупрозрачным, неторопливо качался.
Возле киоска гундосил автобус тройка.
Город, кажется, не изменился, но отличался.

Так отличаются даже не злое и доброе:
скажем, тёплый котёнок и тёплый томатный сок,
а так отличаются только живое и мертвое:
снег, например, и песок.

Снег, например, и апрельское одиночество.
Снег, например, ложится, не тает.
Берег качается, точно плывёшь на катере.
Точно с соседом выпили, а говорить не хочется.
Точно туман не кончится, и вправду ведь не кончается;
Точно козлёнок варится в молоке матери.

* * *

Это май и сестра его – жалость.
Эта жимолость пахнет бедой.
Этот ковш, чтоб звезда отражалась,
беспросветной наполнен водой.

Этот ковш, опрокинутый в небо,
Обеспечивает тишину.
Эта корка засохшего хлеба
Навсегда повторяет луну.

Всё другое, другое, другое,
Переломанное навзрыд.
Отражённое, никакое.
Белый дым над водою стоит.

Белый-белый, совсем невозможный,
невозможный, как лунная дочь.
Так безжалостна и осторожна
бесконечная белая ночь.

* * *

Марию звали Марией, а Марфу – Натальей.
Звали, зовут и долго ещё будут звать.
В июне по всей России – северная Италия:
Реки, закаты, кукушки, прочая благодать.

Барышни, кажется, мало любили друг друга:
Это бывает у девушек нежного возраста.
Маша четыре раза сказала: «эта подруга...»
Эта подруга тихонько ходила за хворостом.

Отражённая церковь в тонкой реке плыла.
Я обернулся быстро и, в общем, нечестно.
Маша с Натальей сидели с одной стороны стола
и между ними зияло пустое место.

Только ни слова, пожалуйста, об онтологии зла.
Жить невозможно, но правда ведь интересно?

О тенях

Где речка Сестра уходит от города Клина,
но откуда ещё видна надломленная золотая игла,
тихо и медленно, будто цветёт малина,
летит пчела.

Одинокая между громко летающих пчёл,
между шипящей листвы.
Всё, что я для чего-то и просто так прочёл,
немножко касалось полёта этой пчелы.

Немножко казалось, что даже плохие стихи,
даже стихи с прилагательным «злой»,
даже те, что ещё чуть хуже, и те, что совсем плохи,
оправданы этой продолговатой пчелой.

Самое интересное то, к чему осторожно:
вот неожиданно белая липа, тонкая, как весло.
Липа, пчела, оружие. Прочее – невозможно.
Холодно, светло, холодно. Холодно, светло.

К дождю

Пахнет невкусным обедом и красными грушами
(потому что на этом закате всё красное).
Чайки летают над бывшим городом Тушино,
падают к смутной воде и у воды становятся разными.

Человек на соседней скамейке роняет стакан.
Другой человек односложно его ругает.
Волк привыкает к железу и попадает в капкан,
а человек вообще ко всему привыкает.

А «человек вообще» это такое неясное,
очень смешное и, в сущности, непоправимое.
Листья ракиты свисают пологие, красные.
Капли с них падают краткие, неуловимые.

Берег

Листья плывут, и надо грустить о лете.
Только об этом лете грустить совершенно не получается.
Для чего Густав Малер придумал «Песни о мёртвых детях»?
Для чего беспрестанный октябрь полгода как не кончается?

Листья плывут по нечистой воде, убогие,
Жаль октября, времени – нет, не жаль.
Дождь над рекой – лёгкая тавтология,
точно Владимир Даль пишет про слово даль.

Сквозь иней идёт последняя муравьиная рота.
Жизнь есть компьютерная игрушка, которая непроходима.
Над Западным Подмосковьем небо расходящихся самолётов
делается прозрачным до Нового Ерусалима.

Заморозок

Низкие горы цепочкою так похожи на ключ,
что настоящим ключам, наверное, очень обидно.
По реке Чусовой идёт маломерное судно Луч.
Небо до хруста белое – чаек почти не видно.

Здесь поворачивает на север река-сирота
с крутой стороны упругих и малорослых гор.
Хочешь сказать «комар», а говоришь «навсегда»,
хочешь сказать «пойдём», а говоришь «простор».

Холодно только. Будто на небе или наоборот.
Но всё – для тебя одного,
точно в неполучившемся детстве на тёткиной даче.
Это не мокрое небо, это всех вод естество
обнимает тебя как умеет – по-медвежачьи.
И маломерное судно по чёрной воде идёт.

Подборка в журнале "Волга", 2013

Страница Андрея Пермякова в Журнальном зале